

На правах рукописи

ВАЛИАХМЕТОВ Альберт Наилевич

**ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС В РОССИИ (1917-1920):
Историография**

Специальность – 07.00.09 – историография,
источниковедение и методы исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

КАЗАНЬ – 2005

Диссертация выполнена на кафедре
историографии и источниковедения Государственного
образовательного учреждения высшего профессионального
образования «Казанский государственный университет
им. В.И. Ульянова-Ленина»
Министерства образования и науки Российской Федерации

Научный руководитель – доктор исторических наук,
профессор *Малышева Светлана Юрьевна*

Официальные оппоненты – доктор исторических наук,
профессор *Цейтлин Рафаэль Семёнович*
кандидат исторических наук,
доцент *Гибадуллина Резеда Наилевна*

Ведущая организация – Институт истории Академии наук
Республики Татарстан

Защита состоится «13» октября 2005 года в 10 часов на заседании диссер-
тационного совета Д.212.081.01. в Казанском государственном университете по
адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18, корп. 2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Ло-
бачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «_____» _____ 2005 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Р.Г. Кашафутдинов

Общая характеристика диссертации.

Актуальность темы. В современной отечественной и зарубежной историографии практически отсутствуют работы в которых специально анализировалась бы история изучения Чехословацкого корпуса с 1918 года до наших дней.

Между тем, отечественной и зарубежной историографией накоплен большой и разнообразный опыт изучения истории корпуса. История Чехословацкого корпуса всегда привлекала внимание отечественной историографии, так как корпус рассматривался в качестве важнейшего фактора эскалации гражданской войны в России. Чехословацкая историография оценивала историю «Чехословацкого легиона» в качестве ключевого события для создания национальной государственности. Английская и американская историография уделяла внимание данной теме в связи с тем, что помощь Чехословацкому корпусу объявлялась одной из основных причин интервенции.

Выяснение причин, приведших корпус к столкновению с Советской властью, остаётся одной из главных проблем истории гражданской войны. Ряд современных авторов справедливо считают, что изучение истории Чехословацкого корпуса в России необходимо для понимания соотношения в событиях гражданской войны ролей местных антибольшевистских сил и сил иностранных интервентов, а также для оценки степени самостоятельности антибольшевистских сил¹.

Рассмотрение историографии Чехословацкого корпуса представляется значимым для определения неизученных, малоизученных, спорных аспектов его истории, приоритетных проблем, дальнейших перспектив исследований, для стимулирования этих исследований в современных условиях и с позиции современных подходов.

Сравнительный анализ отечественных и зарубежных исследований по теме немаловажен и для характеристики путей развития национальных историографий различных стран в XX веке, их сходства, различия, взаимодействия, а также факторов, влиявших на это развитие.

Степень изученности темы. Уже в 1920-е годы в рецензиях и обзорах литературы, опубликованных в советской печати, предпринимались попытки осмысления **отечественной литературы** о Чехословацком корпусе. При этом специальных работ, посвящённых литературе о Чехословацком корпусе, в 1920-е годы опубликовано не было, информация об этом содержалась в обзорах литературы о Комуче или о гражданской войне в целом². В них, как правило, отмечалось научное или, чаще, политическое значение той или иной работы, а

¹ Коробкин А.А. Отечественная историография «Демократической контрреволюции» (лето – осень 1918 г.) в России: дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 183; Ожиганов А.Л. Отечественная историография Колчаковского режима (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 216.

² См.: Лелевич Г. Обзор литературы о самарской Учредилке // Пролетарская революция. – 1922. – № 7; Лелевич Г. Литература о Самарской Учредилке. (Обзор второй) // Пролетарская революция. – 1922. – № 8-9; Фурманов Д. Краткий обзор литературы (непериодической) о гражданской войне (1918-1920 гг.) // Пролетарская революция. – 1923. – № 5, и др.

также подвергались критике версии меньшевистских историков.

В 1930-1950-е годы публикация подобных обзоров прекратилась. Историографическая традиция, по сути, была прервана.

Во второй половине 1950-х – середине 1980-х годов появляются первые историографические труды по истории гражданской войны в России³, в том числе и первая специальная историографическая работа по теме данного исследования – статья В.П. Наумова⁴. Подводя итоги изучению истории корпуса в России в отечественной историографии, последний подчеркнул, что: «В современной литературе глубоко исследована история белочешского мятежа. Особенно подробно освещены такие вопросы, как его подготовка, замыслы империалистов Антанты по использованию белочешского корпуса в борьбе против Советской власти, роль и место чехословацкой буржуазии в организации мятежа»⁵.

На рубеже 1980-90-х годов стало возможно не столь однозначно оценивать как роль корпуса в гражданской войне, так и его освещение в историографии. Среди работ, которые появились за последние 15 лет, следует назвать монографии А.Л. Литвина, В.А. Балашова и В.А. Юрченкова, В.И. Голдина, статьи А.Л. Посадкова и Ю.М. Трибицова, кандидатские диссертации И.Д. Панькина, С.Ю. Малышевой, А.А. Корбкина, А.Л. Ожиганова⁶. С.Ю. Малышева уделила значительное внимание отражению истории Чехословацкого корпуса в отечественной (в том числе и эмигрантской) историографии, практически впервые обратила внимание на отражение истории Чехословацкого корпуса в трудах меньшевистских авторов. То же самое можно поставить в заслугу В.А. Балашову и В.А. Юрченкову. Авторы проанализировали работы Н.В. Святицкого, К.В. Сахарова, В.С. Драгомирецкого, П.П. Петрова, А. Будберга, ограничиваясь, однако, простой констатацией различных точек зрения.

Из всех этих авторов лишь А.Л. Посадков и Ю.М. Трибицов выделили литературу о Чехословацком корпусе в качестве отдельного и самостоятельного предмета изучения. Ю.М. Трибицов в своей статье, рассматривая отдельные труды советских историков, делает особый упор на констатации негативных оценок деятельности Чехословацкого корпуса. Статья А.Л. Посадкова носит обзорный характер. В ней автор, не анализируя отдельных трудов, даёт пред-

³ Наумов В.П. Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. – М., 1972; Шерман И.Л. Советская историография гражданской войны в СССР. (1920-1931). – Харьков, 1964.

⁴ Наумов В.П. К историографии белочешского мятежа в 1918 г. // Сборник статей по истории рабочего класса и советской историографии. – Вып. 40. – М., 1958. – С. 142-180.

⁵ Наумов В.П. Летопись героической борьбы. – С. 349-350.

⁶ Балашов В.А., Юрченков В.А. Историография отечественной истории (1917 – начало 1990-х гг.): учеб. пособие. – Саранск, 1994; Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерк новейшей историографии (вторая половина 1980-90-е годы). – Архангельск, 200; Литвин А.Л. Советская историография гражданской войны в Поволжье. – Казань, 1989; Малышева С.Ю. Гражданская война в Поволжье. 1918 год. Историография: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1991; Панькин И.Д. Современная советская историография гражданской войны на Южном Урале (1918-1919 гг.): Историография: дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1988; Посадков А.Л. «Историография Чехословацкого корпуса в России: смена эпох и эволюция взглядов (1920-2000 гг.) // История белой Сибири: материалы 5-й междунар. науч. конф. – Кемерово, 2003. – С. 30-35; Трибицов Ю.М. Вооружённое выступление Чехословацкого корпуса в России в 1918 году в отечественной историографии // История «белой» Сибири. – Кемерово, 1999. – С. 165-171.

ставление об историографической ситуации, складывавшейся на том или ином этапе развития отечественной и зарубежной историографии в целом, а также определяет контуры будущих исследований теме.

Критика **зарубежной историографии** отечественными историками берёт своё начало ещё в 1920-30-е годы, когда выходили в свет рецензии и библиографические обзоры с оценкой трудов зарубежных историков, а также предисловия к публиковавшимся переводным работам. Появлявшиеся издания носили обличительный характер⁷. При этом ценность рецензируемой или публикуемой работы определялась тем, насколько разоблачительный (вернее, саморазоблачительный) характер она носила⁸.

Первые отечественные историографические труды, в которых рассматривались и характеризовались основные этапы изучения гражданской войны и интервенции в зарубежной историографии, стали появляться лишь в 1960-70-е годы. Именно в этот период были опубликованы статьи, в которых рассматривались советоведческие работы в целом, а также специально американская, французская, западногерманская и даже японская историография гражданской войны и иностранной военной интервенции⁹.

При этом лишь В.П. Наумов (в упоминавшейся выше статье) выделил зарубежную литературу о Чехословацком корпусе в качестве отдельного и самостоятельного объекта исследования.

Среди современных историографических трудов по данной теме следует назвать монографии А.Л. Литвина и С.Б. Скибинской, В.И. Голдина, кандидатскую диссертацию С.Ю. Малышевой, а также упоминающуюся выше статью А.Л. Посадкова. К заслуге С.Ю. Малышевой можно отнести тот факт, что она подвергла подробному рассмотрению развитие чехословацкой историографии по теме.

Отдельные представители зарубежной историографии также проявляли внимание к истории изучения гражданской войны в России в зарубежной историографии¹⁰. Однако специальных трудов, посвящённых историографии Чехословацкого корпуса, зарубежными историками также создано не было.

⁷ В дальнейшем сложилось целое направление в историографии – «критика буржуазных фальсификаторов». Положение стало меняться лишь в конце 1980-х годов, когда за представителями зарубежной историографии (притом не только «прогрессивного» направления (по сути – прокоммунистического) стало признаваться право на истину). – См.: Современная немарксистская историография и советская историческая наука // История СССР. 1988. № 1. – С. 172-202; Литвин А.Л., Скибинская С.Б. Современная англо-американская историография гражданской войны в Поволжье. – Казань, 1990. – С. 3.

⁸ См. напр. предисловие И. Минца к книге: Черчилль В. Мировой кризис. – М.; Л., 1932. – С. IX.- См. также аннотацию к книге В. Гревса (Гревс В. Американская авантюра в Сибири (1918-1920). – М., 1932. II).

⁹ Алахвердов Г.Г. Фальсификация буржуазными историками США истории американской интервенции против Советской России в 1917-1920 гг. // Вопросы истории. – 1958. – № 11. – С. 177-189; Игрицкий Ю.И. Гражданская война и интервенция в СССР в новейших работах западных историков // История СССР. – 1969. – № 2. – С. 217-237; Из истории гражданской войны и интервенции 1917-1922 гг.: сб. ст. – М., 1974; Кунина А.Е. Американская буржуазная историография о политике США в отношении Советской России в 1917-1920 годах // Вопросы истории. – 1960. – № 10. – С. 36-55, и др.

¹⁰ См.: Малиа М. Из под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. – 1997. – № 5. – С. 93-109; Фитцпатрик Ш. Гражданская война в Советской историографии: Западная историография интервенции // Гражданская война в России: перекрёсток мнений. – М., 1994. – С. 344-363. – Следует отметить, что в современной отечественной историографии внимание уделяется теоретико-методологическим тенденциям, школам и направлениям в зарубежной историографии (См.: Шарифжанов И.И. Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. – Казань, 2004).

Всё это ставит на повестку дня вопрос о необходимости историографического осмысления отечественной и зарубежной литературы о Чехословацком корпусе.

Характеристика источников. В диссертации использовались источники, которые условно можно разделить на следующие группы:

- 1) Основными источниками исследования являются **историографические источники** – работы, в которых рассматривается история Чехословацкого корпуса. В общей сложности было использовано более 300 монографий и статей. Первые труды по теме появились ещё в годы гражданской войны¹¹. В отечественной историографии история Чехословацкого корпуса была специально рассмотрена примерно в 30 работах, в том числе в 1 монографии. Однако история корпуса рассматривалась и в общих работах по истории гражданской войны. Примерно схожая ситуация наблюдается в английской, американской и немецкой историографии: по истории Чехословацкого корпуса было опубликовано несколько монографий (не больше 10), но гораздо чаще Чехословацкий корпус рассматривался в общем контексте истории гражданской войны и иностранной интервенции в России. Что касается чехословацкой историографии, то для неё характерен гораздо больший интерес к истории Чехословацкого корпуса. Ещё в 1920-30-е годы вышло множество работ по теме, при этом авторами многих работ выступали бывшие легионеры. В дальнейшем сохранялся устойчивый интерес к истории Чехословацкого корпуса. В данном исследовании используется следующая группировка историографических источников: 1) по хронологическому принципу (исходя из этого строится периодизация работы); 2) по «национальному» признаку – выделены и подвергнуты специальному рассмотрению отечественная и зарубежная историография, а в рамках зарубежной историографии – отдельно чехословацкая, английская и американская, немецкая историографии; 3) по направлениям – в рамках отечественной историографии 1920-х и чехословацкой историографии 1920-30-х годов выделены отдельные направления.
- 2) В работе использовались **неопубликованные документы**, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации: фонды: Р-667 (Отдел иностранных дел Комитета членов Учредительного Собрания), Р-670 (Совет управляющих ведомствами Комитета членов Учредительного Собрания), Р-749 (Комитет членов Учредительного Собрания). Всего в работе использовано 10 единиц хранения из 3 фондов. Они были привлечены с целью верификации выводов, содержащихся в трудах историков. Привлечённые нами документы проливают свет на взаимоотношения антибольшевистских сил (в большей степени Комуча) и Чехословацкого корпуса.
- 3) **Опубликованные источники**, в первую очередь **сборники документов**

¹¹ См. напр.: Велеховский Ф. Чехословаки в России. – Екатеринбург, 1919; Муна А. Кто такие чехословаки. – М., 1918; Подвойский Н.И. Правда о чехословаках. – М., 1918.

и материалов были привлечены с целью верификации выводов и утверждений, содержащихся в литературе по проблеме. Массовая публикация документов по истории гражданской войны и иностранной интервенции была предпринята в конце 1950 – 1960-е годы¹². Следует подчеркнуть, что опубликованные документы отражали не столько историю Чехословацкого корпуса, сколько историю борьбы с ним (примерно до осени 1918 года, когда Чехословацкий корпус играл наиболее активную роль в событиях гражданской войны). Они ценны также тем, что содержали первые оценки и интерпретации выступления Чехословацкого корпуса.

Первый сборник, в котором содержались документы Чехословацкого корпуса за 1914-1918 годы, был издан в 1918 году¹³. Ещё в 1920-30-е годы публиковались документы, исходящие от Чехословацкого корпуса: например, приказ Р. Гайды о введении военно-полевых судов¹⁴, приказ коменданта Самары Ребенды¹⁵. Однако это были единичные публикации. Они были призваны подчеркнуть жестокость интервентов, их вмешательство во внутренние дела России.

Две наиболее крупные и ценные публикации документов по теме появились с перерывом в 20 лет¹⁶. Однако «Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика» содержали тенденциозную подборку документов, целью которой было «развенчать лживые буржуазные легенды о Масарике как «освободителе нации» (с.13). Что касается «Документов и материалов по истории советско-чехословацких отношений» то они содержали, помимо документов, исходящих от Чехословацкого корпуса, постановления органов Советской власти, а также резолюции чехословацких интернационалистов. Всего в работе было привлечено более 20 сборников и подборок документов.

- 4) **Воспоминания и дневники** рассматривались не только в качестве исторических, но и отчасти историографических источников. Первые работы, в которых была представлена история Чехословацкого корпуса, носили по преимуществу автобиографический, мемуарный характер. Вместе с тем, в них содержались элементы историографических концепций, которые получают своё развитие в дальнейшем. Это характерно как для отечественной, так и для зарубежной историографии. Так, Т.Г. Масарик в своих воспоминаниях «Мировая революция» признавал, что он писал «...не записки о путешествии, а политическую работу»¹⁷. В общей сложности было привлечено более 20 дневников и воспоминаний.
- 5) **Периодическая печать** была привлечена для верификации выводов, со-

¹² Большевики Татарии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. (Август 1918 – декабрь 1920): сб. документов и материалов. – Казань, 1961; Пензенская организация КПСС в годы гражданской войны (1918-1920): сб. документов и материалов. – Пенза, 1960; Самарская губерния в годы гражданской войны. – Куйбышев, 1958, и др.

¹³ Каржанский Н. (Качанов). Чехословаки в России. По неизданным официальным документам. – М., 1918.

¹⁴ Максаков В., Турунов А. Хроника гражданской войны в Сибири (1917-1918). – М.; Л., 1926. – С. 221-222.

¹⁵ Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. – М.; Самара, 1932. – С. 100.

¹⁶ Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика и Бенеша. – М., 1954; Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. – Т. 1. ноябрь 1917 г. – август 1922 г. – М., 1973.

¹⁷ Масарик Т.Г. Мировая революция. Воспоминания.. – Т. I. – Прага, 1926. – С. 226.

державшихся в исторических исследованиях. В то же время, в советских изданиях («Знамя революции», «За Землю и Волю»), а также в тех изданиях, которые выходили в дни пребывания комучевцев в Казани («Народная Армия», «Народная Жизнь», «Новое Казанское Слово», «Рабочее Дело») содержались различные оценки роли Чехословацкого корпуса. В них также можно обнаружить отдельные историографические положения, которые получают своё развитие в дальнейшем. В диссертации использовано 9 наименований периодической печати, выходившей в Казани в 1918 году.

Помимо указанных групп источников, нами привлечены **справочные и энциклопедические издания**, а также **библиографические указатели**.

Объектом данного исследования является отечественная и зарубежная литература, посвящённая Чехословацкому корпусу России. **Предметом** исследования являются концепции, взгляды и оценки роли и действий Чехословацкого корпуса, которые сложились в отечественной и зарубежной историографии.

Цель исследования: раскрыть процесс генезиса и эволюции концепций роли и значения Чехословацкого корпуса в гражданской войне в России, бытовавших в отечественной и зарубежной историографии с 1918 года до наших дней.

Задачи: при рассмотрении соответственно, отечественной и зарубежной историографии различных периодов предполагается:

- 1) проанализировать источниковую базу исследований;
- 2) выявить степень изученности аспектов истории Чехословацкого корпуса;
- 3) определить и объяснить основные тенденции развития историографии проблемы;
- 4) охарактеризовать общее и особенное в развитии отечественной и зарубежной историографии.

Методология исследования. Работа основана на общенаучных диалектических принципах познания (историзм, научная объективность). Используемые методы связаны с предметом и объектом исследования и зависят от поставленных целей и задач. Была использована система методов как общенаучных (анализ, синтез), так и специально-исторических.

В ходе работы над диссертацией использовался *историко-системный метод*. Развитие историографии было обусловлено не только внутренней логикой развития исторической науки (изменение методик и методологии исследования, эволюция исследовательских приёмов, введение в оборот новых источников и т.д.), но также процессами, происходившими в социально-политической сфере в России и в мире. Данный метод позволил раскрыть влияние совокупности подобных процессов на изучение темы. *Историко-генетический метод* позволил проследить зарождение историографических концепций, а также их последующее становление и развитие. *Историко-сравнительный метод* позволил сопоставить различные историографические концепции между собой, выделить общее и особенное. Помимо этого, данный метод позволил сопоставить историографические факты и источники (опубли-

кованные и неопубликованные) и, исходя из этого, сделать вывод о соответствии между уровнем источникового «насыщения» и уровнем теоретического осмысления проблемы, а также о соответствии выводов, содержащихся в историографии имеющейся источниковой базе (верификация). Используемый *метод периодизации* позволил выделить условные периоды и этапы в изучении истории Чехословацкого корпуса.

Периодизация. Учитывая условность и инструментальность любой периодизации, в основу нашей работы была положена периодизация **развития исторической науки в России**, которая сложилась в ходе дискуссии в начале 1960-х годов¹⁸. Она была скорректирована в данном исследовании, исходя из собственной логики и специфики развития историографии Чехословацкого корпуса в России и выглядит следующим образом:

- 1) с 1918 до конца 1920-х годов;
- 2) с начала 1930-х до середины 1950-х годов;
- 3) со второй половины 1950-х – до конца 1980-х годов;
- 4) новейший период.

Говоря о новейшем периоде отечественной историографии, мы будем иметь в виду работы историков 1990-х годов. В 1990-е годы в отечественной историографии происходит своеобразный «историографический взрыв». При этом произошёл не только количественный рост числа работ по теме. Для многих работ характерны принципиально иные оценки, нежели на предыдущем этапе развития отечественной историографии.

Советские историки указывали на сложность выделения **периодов** в развитии **зарубежной историографии**¹⁹. Однако попытки обосновать подобную периодизацию предпринимались. Ю.И. Игрицкий предложил положить в основу периодизации западной советологии «кардинальные вехи советской и общемировой истории»²⁰. Что касается Чехословацкой историографии, то в основу её также могут быть положены важнейшие вехи истории Чехословакии («советизация» Чехословакии в 1948 году, «бархатная» революция 1989 года и т.п.) Исходя из этого, периодизация развития зарубежной историографии выглядит следующим образом:

- 1) с 1918 до конца 1930-х годов (включая годы второй мировой войны);
- 2) вторая половина 1940-х – до второй половины 1980-х годов;
- 3) с конца 1980-х годов – до наших дней.

Отечественные и зарубежные историки в основном придерживаются аналогичной схемы при периодизации зарубежной историографии гражданской войны в России²¹.

Терминология. Необходимо оговорить некоторые термины, используемые в нашей работе.

¹⁸ См.: История СССР. – 1960. – № 1. – С. 80; Очерки истории исторической науки в СССР. – Т. IV. – М., 1966. – С. 11.

¹⁹ Игрицкий Ю.И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории. – С. 25.

²⁰ Там же. – С. 25.

²¹ Голдин В.И. Указ. соч. – С. 7; Малышева С. Указ. соч. – С. 100-153; Посадсков А.Л. Указ. соч. – С. 30-35; Stegmann N. Soldaten und Bürger: Selbstbilder tschechoslowakischer Legionäre in der Ersten Republik // Militärgeschichtliche Zeitschrift. – 2002. – Vol. 61. – S. 25-48.

Представляются равнозначными термины «Чехословацкий корпус» и «Чехословацкий легион» (последнее обозначение чаще встречается в зарубежной, особенно английской и американской историографии). При характеристике состава Чехословацкого корпуса будет употребляться термин «легионеры». Применение тенденциозного термина периода гражданской войны «белочехи» является неоправданным. Неправомерно отождествлять корпус с Белым движением (можно говорить о том, что он был частью антибольшевистских сил). Большая часть легионеров не разделяла убеждений русского офицерства (которое составляло основу Белого движения) и стояла на социалистических позициях.

Необходимо специально оговорить и термины, связанные с обозначением различных групп и направлений в историографии. Современная историография пришла к пониманию того, что труды российских авторов, оказавшихся в эмиграции, являются частью отечественной историографии²². Соглашаясь с существующим принципом деления отечественной историографии на советскую, эмигрантскую и постсоветскую (российскую), следует внести в эту схему некоторые уточнения. Отечественная историография 1920-х годов была неоднородной, и деление по принципу «советская» / «эмигрантская» не в полной мере отражает эту неоднородность. В связи с этим, в историографии 1920-х годов, условно, могут быть выделены следующие направления: 1) большевистское; 2) небольшевистское. При этом небольшевистская историография также была неоднородной. Здесь могут быть, условно, выделены следующие группы: авторы «социалистического» направления (бывшие комучевцы), «либерального» и «монархического» направления. Критерием при этом являются политические убеждения и позиция авторов в годы гражданской войны (представители последних двух названных групп стояли на более правых политических позициях).

При характеристике чехословацкой историографии в период между двумя мировыми войнами, в диссертации употребляется термин «легионерская историография». Под нею подразумевается целый комплекс работ, для которого характерна определённая общность взглядов при оценке роли и значения Чехословацкого корпуса в гражданской войне в России и в деле борьбы за независимость Чехословакии. Тенденции «легионерской историографии» были заложены именно легионерами, а также политическими руководителями корпуса и получили своё развитие в трудах историков.

Научная новизна работы. Настоящая работа представляет собой первое, с 1958 года, исследование, в котором отечественная и зарубежная литература о Чехословацком корпусе выделена в качестве специального объекта исследования. При этом в центре нашего внимания были труды, изданные с 1918 года до наших дней. Это позволило создать максимально полную и целостную картину изучения Чехословацкого корпуса в России в отечественной и зарубежной историографии с 1918 года до настоящего времени.

Практическая значимость работы. Материалы диссертации могут со-

²² Балашов В.А., Юрченков В.А. Указ. соч. – С. 5.

ставить историографическую основу и своеобразные ориентиры для будущих исследователей истории Чехословацкого корпуса.

Помимо этого, материалы диссертации могут быть использованы при написании обобщающих работ по отечественной и зарубежной историографии в целом, и историографии гражданской войны, в частности; а также при разработке соответствующих спецкурсов.

Апробация работы. Отдельные положения диссертации были представлены во время выступления на всероссийских, республиканских и городских межвузовских конференциях в Москве, Казани, Самаре и Уфе. Диссертация получила положительную оценку при обсуждении на кафедре историографии и источниковедения КГУ. По теме диссертации имеется 7 работ, опубликованных в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Самаре и Уфе.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Основное содержание диссертации

Во **введении** обосновывается актуальность темы, раскрывается степень её изученности, даётся характеристика источников, определяются цели и задачи исследования.

Первая глава диссертации – «Отечественная историография» - состоит из четырёх параграфов.

Первый параграф – «Рассмотрение темы в работах 1918 – конца 1920-х годов» – посвящён начальному периоду изучения Чехословацкого корпуса в отечественной историографии. На этом этапе происходит зарождение и становление многих историографических концепций, которые получают своё развитие в дальнейшем²³. Наличие интереса к изучению данной темы прослеживается как в большевистской²⁴, так и в меньшевистской историографии²⁵.

Первыми исследователями Чехословацкого корпуса выступили непосредственные участники событий. Их работы носили агитационный характер, так как призваны были объяснить причины столкновения Чехословацкого корпуса с Советской властью.

История Чехословацкого корпуса рассматривалась в контексте гражданской войны в России. Авторы, как большевистские, так и меньшевистские, признавали, что Чехословацкий корпус был основой антибольшевистских сил

²³ Именно с этого периода в историографии начинает встречаться утверждение, что чехословацкие легионеры были «обмануты», «подкуплены», «спровоцированы» и т.д. Это положение бытует вплоть до наших дней.

²⁴ Алексеев В. Борьба с чехословацким мятежом в Поволжье // Пролетарская революция. – 1928. – № 4(75). – С. 45-88; Какурин Н.Е. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. – М.; Л., 1928; Подвойский Н.И. Правда о чехословаках. – М., 1918; Чехословаки в Самаре (По данным Высшей Военной Инспекции). – М., 1918; Хабас Р. К истории борьбы с чехословацким мятежом // Пролетарская революция. – 1928. – № 5. – С. 56-65.

²⁵ Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России 1914-1920 гг.– Париж-Прага, 1928; Котомкин А. О Чехословацких Легионерах в Сибири. 1918-1920. Воспоминания и документы.– Париж, 1930; Лазаревский В. Россия и Чехословацкое возрождение. Очерк чешско-русских отношений 1914-1918 гг.–[Париж], [1927]; Сахаров К.В. Чешские легионы в Сибири (Чешское предательство).– [Берлин, 1930]; Славянофил. Чешские аргонавты в Сибири.– Токио, 1921.

на начальном этапе гражданской войны. Интересно, что этот факт расценивался как положительный не только противниками большевиков. Даже некоторые большевистские авторы писали о том, что чехословацкие легионеры были «первыми учителями советской армии»²⁶, что «если бы чехословаков не было, то их следовало бы выдумать, ибо в обстановке мирного времени нам никогда не удалось бы создать в короткий срок сплочённой, дисциплинированной героической армии»²⁷.

Практически все авторы сходились во мнении, что большинство легионеров придерживалось социалистических взглядов. Однако если для комучевцев в этом виделся несомненный плюс, то для большевистских авторов и для авторов правых политических убеждений это служило скорее негативной характеристикой корпуса.

Имелись и различия в подходах. Большевистские авторы постоянно подчёркивали, что действия легионеров были обусловлены не внутренними побуждениями и интересами, а внешними, привходящими обстоятельствами (зависимость от Антанты, уход с фронта и разложение под воздействием большевистской агитации и поражений, нанесённых Красной Армией). Исключением является точка зрения А. Анишева и Н.Е. Какурина, отмечавших, что выступление Чехословацкого корпуса было вызвано в первую очередь инстинктом самосохранения²⁸. Небольшевистские авторы, напротив, стремились представить легионеров не в качестве «марионеток», а в качестве субъекта действия, имеющего свои собственные убеждения, цели и интересы. Они писали о «национальном эгоизме» легионеров²⁹, а также об их стремлении к обогащению³⁰.

Имелись различия и при характеристике внутреннего устройства чехословацкого легиона в России. Так, если большевистские и близкие к большевикам авторы писали о жёсткой дисциплине, основанной на муштре³¹, то авторы социалистического направления подчёркивали демократический характер чехословацкого войска³².

На данном этапе сложился набор сюжетов, вокруг которых вращались интересы отечественной историографии вплоть до наших дней: освещались в основном взаимоотношения Чехословацкого корпуса с Советской властью весной 1918 года, выступление и боевые действия легионеров в 1918 году, причины ухода легионеров в тыл, взаимоотношения Чехословацкого корпуса с антибольшевистскими силами, выдача А.В. Колчака Политцентру и т.д.

Второй параграф – «Состояние изучения темы в 1930 – первой половине 1950-х годов». В обозначенный период продолжали появляться специальные

²⁶ Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале 1917-1918 гг. – М., 1925.

²⁷ Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. – М.; Л., 1926. – С. 531-532.

²⁸ Анишев А. Указ. соч. – С. 131; Какурин Н.Е. Как сражалась революция. – М., 1990. – Т. I. – С. 41.

²⁹ Святицкий Н.В. К истории Всероссийского Учредительного собрания. Очерк событий на востоке России в сентябре-декабре 1918 г. – М., 1921. – С. 84.

³⁰ Гинс Г.К. Сибирь, Союзники и Колчак. 1918-1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского Правительства). – Т. II – Пекин, 1921.. – С. 443; Славянофил. Указ. соч. – С. 15, 22.

³¹ См.: Владимирова В. Год службы социалистов капиталистам. – М.; Л., 1927. – С. 220; Подвойский Н.И. Указ. соч. – С. 6-7.

³² Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. – Пг., 1923. – С. 150; Майский И. Демократическая контрреволюция. – М.; Пг., 1923. – С. 167-168.

труды, посвящённые истории Чехословацкого корпуса³³. Появившиеся монографии по теме на деле отражали не историю Чехословацкого корпуса, а историю борьбы с ним. В этой связи нет оснований говорить о том, что изучение проблемы было переведено на новый, более высокий уровень. Напротив, интенсивность изучения темы снижалась.

Следует обратить внимание на отсутствие работ по теме в 1940-е годы. Этому можно найти несколько объяснений: в условиях Великой Отечественной войны произошло свёртывание научно-исследовательской работы; историки уделяли первостепенное внимание изучению наиболее актуальной, с идеологической точки зрения, проблемы – германской интервенции; и, наконец, «в условиях поддержания союзнических отношений с Англией и США»³⁴ «опасная» тема истории Чехословацкого корпуса утрачивала свою актуальность.

Можно говорить о преемственности в сюжетном и оценочном моментах между большевистской историографией и работами советских историков 1930-1950-х годов.

К «новшествам» же можно отнести тот факт, что в литературе этого периода закрепляется появившееся ещё в годы гражданской войны обозначение чехословацких легионеров как «белых чехов», «белых чехословаков», «чехо-белых», «чехо-белогвардейцев», «белочехов»³⁵. Формулировка «белые чехословаки» впервые появилась в 1933 году в монографии В. Гирченко, посвящённой деятельности интернационалистов в Сибири³⁶. По всей видимости, подобным образом автор хотел подчеркнуть разницу между восставшими легионерами и перешедшими на сторону Советской власти чехословаками-интернационалистами).

На данном этапе Чехословацкому корпусу стало приписываться стремление организовать наступление на Москву. Однако это утверждение, равно как и информация о подкупе руководителей Чехословацкого легиона, не были подкреплены документально.

Следует подчеркнуть, что на данном этапе прекратилась публикация и перепечатка работ тех авторов, кто в годы гражданской войны стоял «по дру-

³³ Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. – М.; Самара, 1932; Софинов П. Чехословацкий мятеж // Исторический журнал. – 1940. – № 12. – С. 47-61; Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. – М., 1940.

³⁴ Шумилов М.И. Октябрь интервенция и гражданская война на Европейском Севере России. (Историографический очерк): учеб. пособие. – Петрозаводск, 1992. – С. 70.

³⁵ Абов В. О партизанском движении в Сибири. – Новосибирск, 1932. – С. 9, 10; Гирченко В. Революционная деятельность иностранных интернационалистов военнопленных в Восточной Сибири. – Верхнеуральск, 1933. – С. 11; Гулыга А.В. США – организатор и активный участник антисоветской интервенции в 1918-1920 годах. – М., 1952. – С. 13; Карпенко З. Гражданская война в Дальневосточном крае (1918-1922). – Хабаровск, 1934. – С. 52; Хрулев В.В. Указ. соч. – С. 44 Шурыгин А. Революционные волнения в интервентских войсках на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). – Хабаровск, 1938. – С. 10, 11.

³⁶ Следует оговориться, что подобного рода термины встречались ещё в годы гражданской войны. См. напр. приказы Л.Д. Троцкого (Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. Т. 1. – М., 1923. – С. 232, 236, 246). Термин «белочехи» и «белочехословаки» впервые встречается в резолюциях крестьянских собраний села Чемодановки Городищенского уезда Пензенской области от 11 октября 1918 года и деревни Овражки Нагатинской волости Симбирского уезда от 13 ноября 1918 года (См.: Пензенская организация КПСС в годы гражданской войны (1918-1920): Сборник документов и материалов. – Пенза, 1960. – С. 34; Симбирская губерния в годы гражданской войны: сборник документов. – Т. 1. – Ульяновск, 1958. – С. 265). В данном случае речь идёт о том, что термин проникает на страницы исторических исследований и закрепляется в них.

гую сторону баррикад».

Третий параграф – «Исследования второй половины 1950-х – 1980-х годов». На этом этапе было опубликовано наиболее полное, глубокое, всестороннее и не утратившее своего значения исследование по истории Чехословацкого корпуса – монография А.Х. Клеванского «Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России»³⁷. Значение работы А.Х. Клеванского заключается в том, что «показ национальных приоритетов в сознании легионеров, партийной борьбы в руководстве корпуса и движения в целом, намёки на планы использования корпуса не только правительств Антанты, но и Советского правительства, означал конец старой схемы восстания»³⁸.

Работа А.Х. Клеванского отличалась не только новизной в подходах, но и широкой источниковой базой. Он активно обращался к работам чехословацких легионеров и политического руководства Чехословацкого корпуса (Э. Бенеш, Й. Куделя, Я. Папоушек, Ф. Штейдлер). Автор привлёк документы не только из советских, но и, что особенно ценно, из чехословацких архивов: Архив Военно-Исторического Института, Архив Министерства Иностранных Дел и др.

Привлечённые А.Х. Клеванским документы, с одной стороны, были направлены на подтверждение существовавших в историографии мнений и оценок (враждебный нейтралитет корпуса, замыслы по использованию корпуса и т.д.). Они раскрывали негативные стороны деятельности Чехословацкого легиона в Сибири. В то же время, привлечение этих документов, во-первых, показало, что такие документы в принципе существуют, и для изучения истории Чехословацкого корпуса необходимо их более активное привлечение; во-вторых, эти документы исходили непосредственно от Чехословацкого корпуса и выражали точку зрения легионеров на происходящие события.

Однако, ни книга А.Х. Клеванского, ни издание в 1973 году первого тома «Документов по истории советско-чехословацких отношений» не привели к переходу к новому восприятию событий в отечественной историографии.

Более того, многие концепции и концептуальные положения, которые сложились на предыдущих этапах, получили своё дальнейшее развитие. В этой связи, можно говорить о преемственности в развитии советской историографии.

Информация о Чехословацком корпусе в основном подавалась в качестве своеобразных дополнений и сопутствующих сюжетов в обобщающих трудах по истории гражданской войны, в монографиях, посвящённых Восточному фронту, гражданской войне в различных регионах России, истории антибольшевистских сил. Особое внимание уделялось на этом этапе изучению истории партии эсеров, что также способствовало изучению истории Чехословацкого корпуса, который рассматривался как главная и подчас единственная опора антибольшевистских правительств. Информация о Чехословацком корпусе нашла отражение и в работах, посвящённых чехословацким интернационалистам.

³⁷ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914-1921 гг. – М., 1965.

³⁸ Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 45.

В литературе повторялись тезисы о роли Чехословацкого корпуса в эскалации гражданской войны в России, роли Антанты в организации выступления, подчёркивался финансовый характер зависимости корпуса от Антанты. Рост интереса к изучению истории интернационалистов привёл к тому, что ещё ярче и острее в литературе стал подчёркиваться контраст между политически «несознательными» легионерами и политически «зрелыми» интернационалистами³⁹. При этом национальные приоритеты в деятельности Чехословацкого корпуса, как и на предыдущем этапе, полностью игнорировались.

Устоявшаяся интерпретация истории Чехословацкого корпуса стала важной составной частью концепции гражданской войны и иностранной интервенции в России.

Четвёртый параграф – «Новейшая историография». В современной отечественной историографии наблюдается рост интереса к истории Чехословацкого корпуса. Ситуацию, сложившуюся вокруг изучения Чехословацкого корпуса, можно условно обозначить как «историографический взрыв»: за последние 13 лет по этой теме было издано столько же публикаций, сколько за все предыдущие годы⁴⁰.

В современной отечественной историографии пересматриваются многие мнения, оценки и концепции, которые на предыдущем этапе казались незыблемыми.

В 1990-е годы была поставлена под сомнение сама формулировка и употребление слова «мятеж» в отношении выступления Чехословацкого корпуса в конце мая 1918 года⁴¹. Было высказано утверждение, что в советской историографии имело место сознательное преувеличение численности Чехословацкого корпуса. Тем самым нивелировался потенциал антибольшевистских сил. Подчёркивалось, что нет свидетельств и доказательств причастности Антанты к мятежу Чехословацкого корпуса. Было подвергнуто критике утверждение о том, что у руководства Чехословацкого корпуса имелся план или хотя бы намерение наступления на Москву. Отмечалось, что большевистское руководство в Москве пошло на обострение ситуации с Чехословацким корпусом сознатель-

³⁹ См. напр.: Попов Ф.Г. За власть Советов. Разгром самарской учредилки. Куйбышев, 1959. – С. 11.

⁴⁰ Дмитриев Н.И. К вопросу о роли чехословацкого корпуса в хозяйственной жизни белого Востока России // История белой Сибири: Тезисы 4-й научной конференции. 6-7 февраля 2001 года. – Кемерово, 2001. – С. 155-158; Иванов А.В. К вопросу о причинах антисоветского выступления Чехословацкого корпуса в 1918 году // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург, 1997. – № 4. – С. 7-24; Константинов С.И. Выступление чехословацкого корпуса: детонатор гражданской войны или возможность её альтернативы? (опыт альтернативной истории) // Урал в событиях 1917-1921 гг.: актуальные проблемы изучения: К 80-летию прекращения регулярных боевых действий на Урале: Материалы регионального научного семинара, 24-25 апреля 1999 г. / Отв. ред. Нарский И.В. – Челябинск, 1999. – С. 56-72; Левчук А.П. Ещё раз о «Преданном корпусе» (к вопросу о возникновении чехословацкого мятежа) // Из истории революции в России (первая четверть XX в.): Материалы Всерос. симпозиума, посвящённого памяти И.М. Разгона. – Ч. 2. – Томск, 1996. – С. 3-12; Никонова О.Ю. Чехословацкий корпус и правительства «демократической контрреволюции» в 1918-1919 годах // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – Ч. 2. – Челябинск, 1995. – С. 57-60; Новиков П.А. Части Чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май-август 1918 года) // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2000. № 7. – С. 5-17; 2000. № 8. – С. 5-21; Симонов Д.Г. К вопросу о численности Чехословацкого корпуса на востоке России в период гражданской войны (1918-1920) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск, 1998. – С. 145-148; Скробов В.С. Мятежный корпус // Вестник Челябинского университета. – Сер. 1. – История. – Челябинск, 1993. – № 1 (5). – С. 29-40, и многие другие.

⁴¹ На это, в частности, обратил внимание А.А. Коробкин (См.: Коробкин А.А. Указ. соч. – С. 180).

но, так как им двигало стремление удержать власть. Называлась и другая причина – нажим со стороны Германии.

В 1990-е годы впервые в отечественной историографии была предпринята попытка подвергнуть изучению невоенные и неполитические аспекты истории Чехословацкого корпуса. Так, в статьях Н.Г. Дмитриева и О.Ю. Никоновой рассматривается экономическое сотрудничество Чехословацкого корпуса с антибольшевистскими правительствами. Исследователи ввели в оборот новый пласт неопубликованных источников из отечественных архивов, показав тем самым, что выбранное ими направление имеет свои перспективы.

Росту интереса к истории Чехословацкого легиона способствовало не столько расширение источниковой базы и публикация новых документов по теме, сколько пересмотр вопроса о сущности и периодизации гражданской войны в России⁴². Не случайно, ставя под сомнение многие концепции советских историков, современные российские историки ссылаются не на новые источники, а на некорректность аргументации или недостаточную документальную обоснованность выводов своих коллег.

Однако большинство отечественных историков продолжает рассматривать Чехословацкий корпус не сам по себе, а лишь в контексте гражданской войны в России, как один из её факторов.

Вторая глава диссертации – «Зарубежная историография» - состоит из трёх параграфов.

Первый параграф – «Изучение темы в 1920-1930-х годах» – посвящён начальному периоду исследования Чехословацкого корпуса в зарубежной историографии. Многие мнения, утверждения и оценки, сложившиеся на этом этапе, будут развиты позднее в трудах английских, американских, чехословацких и немецких историков. Следует подчеркнуть, что авторами первых работ были непосредственные участники событий.

В **чехословацкой историографии** могут быть выделены два направления: легионерская историография⁴³ и труды интернационалистов⁴⁴.

Разница в подходах между ними заключалась в том, что первые позиционировали легионеров Чехословацкого корпуса как революционеров, писали о вынужденном характере их действий (самооборона) и, исходя из этого, оправдывали их; в то время как работам интернационалистов, напротив, был присущ обличительный тон. Легионеры рассматривали свои действия как продолжение борьбы с Германией и её «союзниками» (как им казалось), большевиками.

Политические и военные руководители корпуса подчёркивали, что недо-

⁴² Литвин А., Поликарпов В., Спиринов Л. Гражданская война. Ломка старых догм и стереотипов / Историки спорят. 13 бесед / Под общ. ред. В. С. Лельчука. – М., 1989. – С. 46-83; Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. – 1992. – № 6. – С. 32-41.

⁴³ См.: Велеховский Ф. Чехословаки в России. – Екатеринбург, 1919; Голечек В. Чехословацкое войско в России. – Прага, б.г.; Куделя Й.Ф. О российском золотом запасе и чехословацких легионах. – Прага, 1924; Шип Ф. Как происходило снабжение Чехословацкой армии? // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник первый. – Praha, 1930. – С. 214-233; Штейдлер Ф. Выступление Чехословаков в России 1918 года // Вольная Сибирь. – Т. IV. – Прага, 1928. – С. 9-27, и др. – Сюда же могут быть отнесены работы политических руководителей Чехословацкого корпуса – Э. Бенеша и Т.Г. Масарика: Бенеш Э. Речи и статьи. Вып. I. – Прага, 1925; Масарик Т.Г. Мировая революция. Воспоминания. В 2-х томах. – Прага, 1926-1927.

⁴⁴ Муна А. Кто такие чехословаки. – М., 1918; Шмераль Б. Чехословакии и эсеры. – М., 1922.

вольство политикой Советской власти по отношению к корпусу накапливалось в среде рядовых легионеров, которые и выступили инициаторами восстания. В то время как в большевистской историографии ответственность перекладывалась как раз на политическое и военное руководство Чехословацкого корпуса.

В легионерской историографии складывались свои мифы. Именно в этот период появилась так называемая «освобожденческая легенда», согласно которой борьба чехословацких легионов за границей вообще и в России, в особенности, сыграла решающую роль в деле создания независимого Чехословацкого государства. В период между двумя мировыми войнами эта легенда являлась частью официальной идеологии в Чехословакии.

На этом этапе происходит становление многих тенденций развития **английской и американской историографии** по теме. Следует отметить, что специальных трудов, посвящённых Чехословацкому корпусу, в этот период опубликовано не было. Однако проблемы истории корпуса освещались в работах политических руководителей стран Антанты, трудах военных, принимавших непосредственное участие в интервенции⁴⁵. Особняком стоит работа американского журналиста В. Чемберлина⁴⁶. Несмотря на то, что автор не являлся профессиональным историком, его работа заслужила высокую оценку в отечественной и зарубежной историографии. В. Чемберлин посвятил отдельную главу рассматриваемой теме. Особенность работы В. Чемберлина, которая отличает её от работ многих советских коллег, заключается в том, что он не стремился найти виновных в мятеже, а скорее описывал условия и факторы, которые не удовлетворяли каждую из сторон и способствовали столкновению.

Интерес к данной теме был обусловлен тем, что защита Чехословацкого корпуса была одним из основных мотивов интервенции. Утверждение, что Чехословацкий корпус нуждался в защите (что и вызвало интервенцию) влияло на оценку событий, предшествовавших мятежу. То есть, для того, чтобы показать, что легионеры нуждались в защите, необходимо было показать, что они находились во враждебной обстановке, подвергались нападению со стороны Советской власти и т.д. Именно этим было обусловлено особое внимание всех зарубежных историков к событиям весны 1918 года, когда стали обостряться отношения между Советской властью и легионерами. В зарубежной историографии также рассматривались, прежде всего, военные и политические аспекты истории Чехословацкого корпуса.

Для английской и американской историографии характерно примерно то же сюжетное разнообразие, что и для российской историографии.

Следует подчеркнуть, что в английской и американской историографии появлялись труды авторов, симпатизировавших большевистской революции⁴⁷. Они оправдывали действия Советского правительства по отношению к Чехословацкому корпусу, обвиняли представителей стран Антанты в том, что они

⁴⁵ Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918-1920). – М., 1932; Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. – Т. VI. – М., 1937; Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири 1918-1919 гг. – М.; Пг., 1923; Черчилль В. Мировой кризис. – М.; Л., 1932.

⁴⁶ Chamberlin W.H. The Russian Revolution, 1917-1921. – 2 vol. – Vol. II. – New York, 1952.

⁴⁷ Coates W.P. and Z.K. Armed intervention in Russia, 1918-1922. – London, 1935; Price M.P. The truth about the interventions of the Allies in Russia: How the rulers of England are strangling the Russian Revolution. – Belp/Bern, 1918.

оказывали влияние на руководство Чехословацкого Национального Совета (ЧНС) и стимулировали его нелояльность по отношению к Советской власти.

Немецкая историография приписывала организацию выступления Чехословацкого корпуса Антанте⁴⁸. М. Кланте выделила целый комплекс причин, приведших к выступлению: давление Советского правительства, зависимое положение Чехословацкого корпуса – в финансовом положении от Франции, в плане снабжения – от сибирских кооперативов⁴⁹. Особый интерес к истории Чехословацкого корпуса в немецкой историографии наблюдался в годы «третьего рейха» и второй мировой войны: «...эта проблема была весьма удобной для проведения фашистских политических идей, ибо здесь можно было комплексно проводить одновременно антисоветские, антибольшевистские и антиславянские идеи»⁵⁰.

Второй параграф – «Развитие исследований во второй половине 1940-х – середине 1980-х годов».

После второй мировой войны Чехословакия развивалась в фарватере политики СССР, а **чехословацкая историография** следовала в своих выводах за советской историографией. Примерно с середины 1950-х годов началась публикация работ, в которых история Чехословацкого корпуса трактовалась в соответствии с советской историографией⁵¹.

Чехословацкие историки отмечали, что решающую роль в образовании Чехословацкого государства сыграла не деятельность Чехословацкого корпуса, а Октябрьская революция. Политические руководители корпуса (Т.Г. Масарик, Э. Бенеш и М.Р. Штефаник) стали именоваться не иначе, как «антинародные политики» и «враги народа». Подчёркивалась особая роль Антанты в организации выступления. Отмечалось, что в корпусе проводилась антисоветская агитация. Особо отмечалась лояльность Советской власти по отношению к Чехословацкому корпусу. В работах Я. Мушки и Я. Гореца отмечалось, что представители ЧНС получили от французов и англичан деньги на подготовку выступления.

Некоторое смягчение оценок произошло в 1960-е годы, когда история пребывания чехословацких легионеров в России называлась трагедией или даже драмой, прежде всего для самих легионеров⁵². Некоторые чехословацкие историки стали выражать протест против излишне односторонней и примитивной критики «освободительской легенды». Чехословацкие историки на этом этапе указывали, что часть ответственности за выступление Чехословацкого корпуса

⁴⁸ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. – Т. 2. – М., 1924. – С. 215-216; Rimscha H. Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration. 1917-1921. – Jena, 1924. – S. 4-5. – Цит. по: Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 118.

⁴⁹ Klante M. Von der Wolga zum Amur. – Berlin, 1931. – P. 97-98, 121-122. – Цит. по: Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 119-120.

⁵⁰ Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 121.

⁵¹ Краль В. О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. – Москва, 1955; Кржижек Я. Пенза. Славные боевые традиции чехословацких красноармейцев. – Пенза, 1958; Muška J., Hořec J. K úloze československých legií v Rusku / Jiří Muška. Účast československé armády v Rusku na imperialistické válce a protisovětské intervenci v letech 1914-1920. Jaromír Hořec. Politika světových imperilistů a česká buržoazie v protisovětské intervenci. Vyd. 2., doplněně. – Praha, 1954; Vavra V. Klamná cesta. Příprava a vznik protisovětského vystoupení čs. legií. – Praha, 1958.

⁵² Vavra V. Příprava protisovětské intervence na severu Ruska v r. 1918 // Historie a vojenství. – 1963. – № 1. – S. 89.

должна быть возложена и на Советскую власть (приказ Л.Д. Троцкого, действия отдельных представителей Советской власти на местах). В литературе обращалось внимание на негативное значение деятельности чехословацких коммунистов во время проведения агитации в легионе (задержка поездов).

Признавая роль Антанты в организации выступления, чехословацкие историки решающую роль отводили не «подкупу», а тому, что именно представители стран Антанты инициировали вопрос о перемене направления движения и переброске части корпуса на север европейской России и не поставили в известность легионеров.

В первой половине 1980-х годов в трудах В. Вавры⁵³ было высказано утверждение, что именно Чехословацкий легион стал решающим фактором в деле образования буржуазной Чехословацкой республики. Всё это закладывало предпосылки для тех трансформаций, которые произошли в чехословацкой историографии на рубеже 1980-90-х годов.

В **английской и американской историографии** во многом продолжалось развитие тенденций, заложенных на предыдущем этапе. Наблюдался рост интереса к истории Чехословацкого корпуса в России. Появились первые монографии по этой теме⁵⁴. Некоторые авторы посвятили Чехословацкому корпусу отдельные главы своих работ⁵⁵. Однако чаще, всё же, Чехословацкий корпус рассматривался в общих трудах, посвящённых истории гражданской войны и иностранной вооружённой интервенции в России или революциям в России в целом.

Чехословацкий корпус оценивался как часть национально-освободительного движения чехословацкого народа в борьбе за независимость против Австро-Венгрии. Признавалось, что национальные мотивы оказывали влияние на действия Чехословацкого корпуса на протяжении всей гражданской войны. Особо подчёркивалось то обстоятельство, что легионеры придерживались вооружённого нейтралитета и более того, выражали лояльность по отношению к советским властям. Подчёркивалось, что главным желанием легионеров было как можно скорее покинуть Россию. Признавая взаимное несоблюдение Пензенского соглашения от 26 марта 1918 года, английские и американские историки писали о решающей роли Советской власти в обострении конфликта с Чехословацким корпусом. Следует отметить, что английские и американские историки были менее категоричны в своих выводах и утверждениях. Они скорее пытались представить всю совокупность факторов, приведших к выступлению Чехословацкого корпуса.

Интерес представляет положение, согласно которому Чехословацкий корпус поднял восстание 25 мая 1918 года «даже вопреки сопротивлению Со-

⁵³ Vávra V. Čs. internationalisté v Rusku 1917-1918 a národnostní otázka // Historie a vojenství. 1984. № 2, 3.

⁵⁴ См.: Bradley J.F.N. La legion tchechoslovaque en Russie 1914-1920. – Paris, 1965; Fic V.M. The origin of conflict between the Bolsheviks and Czechoslovak Legion, February 1918 – May 1918: a study in the Russian civil war. – Chicago, 1958; Fic V.M. The Bolsheviks and the Czechoslovak Legion: the origin of their armed conflict, March – May 1918. – New Delhi, 1978; Hoyt E.P. The Army without a country. The thrilling story of the Czechoslovakian Legion, its daring World War I, exploits, and its heroic struggle to create a new nation. – New York; London, 1967.

⁵⁵ Bradley J.F.N. Allied intervention in Russia. – London, 1968. – P. 65-105; Kennan G.F. Soviet-American Relations, 1917-1920. – Vol. II. The Decision to Intervene. Princeton, 1958. – P. 136-164.

юзников», которые, ввиду недостатка войск на западном фронте, желали видеть Чехословацкий корпус во Франции, и проявил, тем самым, открытое неповиновение⁵⁶. По мнению Д. Брэдли, выступление Чехословацкого корпуса явилось «восстанием решительных молодых людей против их робких местных лидеров». Более того, конфликт получил дальнейшее развитие и перерос в конфликт рядовых и офицеров, между которыми «появилась пропасть»⁵⁷. Д. Брэдли полагал, что выступлению способствовала позиция союзников в вопросе о переброске части корпуса на север. Выступление было неожиданным для союзников.

Наиболее значительным историографическим фактом в **немецкой историографии** по теме является работа Г. Туниг-Ниттнер, изданная в 1970 году⁵⁸. Она называла Чехословацкий корпус важнейшим фактором в успешной борьбе за независимость Чехословакии. Г. Туниг-Ниттнер уделила внимание гражданским структурам, сложившимся в легионе, которые затем составили основу Чехословацкого государства. Рассматривая причины выступления Чехословацкого корпуса, Г. Туниг-Ниттнер писала, что они лежали не в идеологической области, а были обусловлены чувством самосохранения.

Третий параграф – «Современная историография» – посвящён рассмотрению темы в зарубежной историографии на современном этапе.

Наибольшие трансформации произошли в **чехословацкой историографии**. Наблюдается рост интереса к истории Чехословацкого корпуса в целом. Появились статьи, освещающие историю формирования чехословацких добровольческих частей⁵⁹. Были опубликованы статьи и монографии, в которых подробно рассматривается участие Чехословацкого корпуса в событиях в России в 1917-1920 годах⁶⁰. Росту интереса к истории корпуса способствовало празднование годовщины провозглашения Чехословацкого государства в октябре 1918 года.

Бархатные революции в Европе вообще и в Чехословакии, в частности, способствовали тому, что в историческую науку проникли процессы демократизации. Произошла своеобразная «реабилитация» политических и военных руководителей корпуса. Сам корпус стал рассматриваться как главный фактор в борьбе за независимое Чехословацкое государство. Произошло, по сути, возрождение многих положений легионерской историографии.

Можно констатировать рост интереса к не вполне традиционным сюжетам из истории корпуса: история военно-воздушных сил Чехословацкого леги-

⁵⁶ См.: Bradley J.F.N. Allied intervention in Russia. – P. 64, 68, 69.

⁵⁷ Op. cit. – P. 81, 88, 104.

⁵⁸ Thunig-Nittner G. Die Tschechoslowakische Legion in Russland. Ihre Geschichte und Belevtung bei der Entstehung der 1. Tschechoslowakisechen Republik. – Wiesbaden, 1970. Основу этой монографии составила диссертация, защищенная Г. Туниг-Ниттнер в 1967 году в университете Иоганна Гуттенберга в Майнце.

⁵⁹ Vávra V. Československé jednotky v armádách Dohody 1914-1918 // Historie a vojenství. – 1988. – № 4. – S. 23-35; Vávra V. Formování České družiny (K počátkům čs. zahraničního odboje v Rusku 1914-1916) // Historie a vojenství. – 1990. – № 1. – S. 107-118.

⁶⁰ Fidler J., Stehlik E. Czechoslovak Legions in Siberia // XX International colloquium of military history, Warsaw – Poland, 28 august – 3 september 1994. – Warsaw, 1995. – P. 125-127; Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J. Českoslovenští legionáři (1914-1920). Praha, 1996; Sak R. Anabáze. Drama československých legionářů v Rusku (1914-1920). – [Praha], 1996.

она в России, издательская и культурно-просветительская деятельность чехов и словаков, живущих в России, а также военнопленных и легионеров, влияние легионеров на характер первой Чехословацкой республики, история сберегательной кассы и банка Чехословацкого легиона в России, пропаганда в чехословацком войске в России в 1914-1920 годах, изучение воинской формы чехословацких добровольческих частей⁶¹.

При этом все авторы, так или иначе, приходят к мнению, что тот аспект, который находится в центре их внимания, отражает в себе демократический характер чехословацкого войска и цели, за которые оно выступало.

В 1989 году вышла статья чехословацкого историка К. Рихтера со знакомым названием «Встреча двух революций». В ней была сформулирована концепция столкновения двух революций. По его мнению, в ходе революционных событий в России между собой столкнулись две революции: социалистическая с одной стороны и национально-демократическая с другой. Принципиальное различие между ними привело к трагическому конфликту⁶². Указанная концепция отражает суть столкновения Советской власти и Чехословацкого корпуса.

В современной **американской и английской историографии** интерес к истории Чехословацкого корпуса выражен не столь явно, как в чешской или словацкой. Как правило, история корпуса рассматривается в контексте революции, гражданской войны и интервенции в России. Мы можем назвать лишь одну работу, которая рассматривает историю корпуса с 1914 года⁶³. Ещё один труд посвящен образованию Чехословакии, но и в нём автор анализирует обозначенную проблему через призму революции в России и внешней политики США⁶⁴. Гораздо чаще история Чехословацкого корпуса рассматривается в работах по истории интервенции и гражданской войны в России.

Американская и английская историография придерживаются того же сюжетного разнообразия, что и на предыдущих этапах. Встречаются утверждения о взаимном несоблюдении достигнутых соглашений между Советской властью и Чехословацким корпусом⁶⁵.

Получает развитие точка зрения, сформулированная в своё время ещё В. Черчиллем, что выступление стало неожиданностью для союзников и произо-

⁶¹ Kutílková D. K problematice stejnokrojů československé jednotky v Rusku v letech 1914-1917 // Historie a vojenství. – 2001. – № 4. – S. 796-815; Kutílková D. K problematice stejnokrojů příslušníků československé jednotky v Rusku v roce 1918 // Historie a vojenství. – 2002. – № 4. – S. 884-912; Šedivý I. Legionářská republika? K systému legionářského zákonodárství a sociální péče v meziválečné ČSR // Historie a vojenství. – 2002. – № 1. – S. 158-184; Urmínský I. Letecké síly československých legií v Rusku 1918-1920 // Historie a vojenství. – 1995. – № 4. – S. 21-49; Zabloudivá J. Příspěvek k tematice propagandy v čs. vojsku v Rusku v letech 1914-1920 // Historie a vojenství. – 2000. – № 1. – S. 56-65; Zabloudivá J. Přehled tisku Čechů a Slováků v Rusku 1914-1920. Periodika a nepereodické tiskoviny českých a slovenských krajanů, zajatců a legionářů // Historie a vojenství. – 1995. – № 4. – S. 102-141; Zabloudivá J. Vojenská spojitelná čs. vojska v Rusku // Historie a vojenství. – 1999. – № 1. – S. 98-120; Zabloudivá J., Brádlarová D. Banka československých legií 1919-1925 // Historie a vojenství. – 2000. – № 2. – S. 345-377.

⁶² См.: Richter K. Setkání dvou revolucí // Historie a vojenství. – 1990. – № 1. – S. 121, 122, 124, 124, 130, 132.

⁶³ Bradley J.F.N. The Czechoslovak Legion in Russia 1914-1920. – Boulder, CO, 1991. – Основу этой работы составила монография, изданная Д. Брэдли в Париже в 1965 году.

⁶⁴ Unterberger B.M. The United States, revolutionary Russia and the rise of Czechoslovakia. – Chapel Hill; London, 1989.

⁶⁵ Figes O. A people's tragedy. The Russian Revolution, 1891-1924. – London, 1996. – P. 577; Figes O. Peasant Russia, Civil War. The Volga countryside in Revolution (1917-1921). – Oxford, 1989. – P. 163; Unterberger B. Op. cit. – P. 136.

шло вопреки их воли⁶⁶. В американской историографии существует мнение, что выступлению способствовала позиция рядовых легионеров, а не политического и военного руководства, которое готово было идти на уступки и даже предпринимало усилия к предупреждению мятежа⁶⁷. Подобное утверждение идёт в русле чехословацкой легионерской историографии. Английские и американские историки, также как и их чехословацкие коллеги признают национальные приоритеты в деятельности легионеров.

Среди новых аспектов истории Чехословацкого корпуса, который привлёк внимание исследователей, мы можем назвать сюжет о миссии С. Моэма. С. Моэм прибыл в Россию летом 1917 года как агент британской разведки. Вместе с ним в Россию прибыли четыре чеха (в том числе Е. Воска – глава Департамента разведки ЧНС). Целью этой миссии было создать в России национальную армию для продолжения войны с Германией. При этом ядро будущей армии должны были составить именно чехословацкие добровольческие формирования в России⁶⁸.

Говоря о **немецкой историографии** следует упомянуть практически единственную статью Н. Штегманн⁶⁹. В центре внимания автора находятся «самоописания и стилизации чехословацких легионеров в «официальных» воспоминаниях и изображениях», а также их влияние на идеологию молодого Чехословацкого государства. Она считает, что легионеры в межвоенный период имели большое значение, как «...предвестники национальной и политической свободы», что в образе легионеров «...возникшая республика имела героев, чей пример должен был стать основополагающим при создании нации»⁷⁰. Рассмотрев национальный состав Чехословацкого корпуса, Н. Штегманн делает вывод, что «...идеи и цели «добровольческой армии» формировались чехами»⁷¹.

В заключении подведены основные итоги исследования.

Оценки Чехословацкого корпуса стали важным элементом отечественных и зарубежных концепций истории гражданской войны и иностранной военной интервенции. Изучение данной темы позволяло отечественным историкам иллюстрировать концепцию заговора «мировых империалистов» против Республики Советов, демонстрировать слабость небольшевистских сил (которые были установлены «только при помощи штыков интервентов») и вообще перекладывать ответственность за развязывание гражданской войны в России на «внешнюю и внутреннюю контрреволюцию». В английской и американской историографии изучение данной темы позволяло обосновать причины интервенции. Исходя из этого, в центре внимания находились различные аспекты военной,

⁶⁶ Swain G. The Origins of the Russian Civil War. – London, 1996. – P. 159.

⁶⁷ Fic V.M. The collapse of American policy in Russia and Siberia, 1918: Wilson decision not to intervene (March – Oct. 1918). – New-York, 1995. – P. 45; Rupp S.Z. The struggle in the East: Opposition politics in Siberia, 1918. – Pittsburgh, 1998. – P. 44.

⁶⁸ См.: Swain G. Op. cit. – P. 103-116. Сам С. Моэм упомянул об этом факте в автобиографическом произведении «Подводя итоги» / Моэм У.С. Избранное: Сборник: Пер. с англ. / Составл. и Предисл. В. Скороденко.- М.: ОАО Издательство «Радуга», 2001. – С. 477-478.

⁶⁹ Stegmann N. Soldaten und Bürger: Selbstbilder tschechoslowakischer Legionäre in der Ersten Republik // Militärgeschichtliche Zeitschrift. – 2002. – Vol. 61. – S. 25-48.

⁷⁰ Op. cit. – S. 25, 28.

⁷¹ Op. cit. – S. 27.

политической и дипломатической истории Чехословацкого корпуса в России. Однако, если в советской историографии изучалась главным образом борьба с Чехословацким корпусом, то в английской и американской историографии изучалась борьба по вопросу использования Чехословацкого корпуса и реакция на него в правительственных и дипломатических кругах стран Антанты.

Что касается чехословацких историков, то они рассматривали историю Чехословацкого легиона прежде всего, в контексте образования независимого Чехословацкого государства. Даже в тех случаях, когда в центре внимания находятся невоенные аспекты, авторы приходят к выводу, что объект их изучения отражает демократический характер чехословацкого войска и цели его борьбы.

Следует с сожалением констатировать, что отечественные историки (за исключением А.Х. Клеванского) игнорировали и продолжают игнорировать (в отличие от чехословацких коллег) материалы чехословацких архивов. Отечественные историки строят свои исследования на материалах отечественных архивов, воспоминаниях и свидетельствах очевидцев, постановлениях и донесениях органов Советской власти в центре и на местах.

Вместе с тем в ГАРФ и других архивах обнаруживаются документы, которые непосредственно отражают историю Чехословацкого корпуса в России и которые могли бы пролить свет на взаимоотношения представителей антибольшевистских сил с Чехословацким корпусом, деятельность чехословацкой контрразведки и т.д. Работы некоторых отечественных историков (О.Ю. Никоновой, Д.Г. Симонова) показывают, что в российских архивах (как в центральных, так и местных) содержатся документы, которые отражают историю Чехословацкого корпуса, в том числе невоенные аспекты.

Что касается английской и американской историографии, то она опирается в основном на документы внешней политики стран Антанты и также практически не обращается к чехословацким архивам.

Ситуацию, сложившуюся в мировой историографии можно охарактеризовать, переиначив слова К. Рихтера, как «встреча двух революций». Отечественные историки на современном этапе сделали шаг по направлению к своим зарубежным коллегам, признав, что выступление Чехословацкого корпуса тесно связано с мировой войной и указав на национальные приоритеты в деятельности легионеров Чехословацкого корпуса. В современной отечественной, и особенно чехословацкой (вернее, чешской) историографии, обозначилась тенденция изучения невоенных аспектов истории Чехословацкого корпуса в России. Налицо взаимопроникновение идей (главным образом, влияние достижений зарубежной историографии на отечественных историков).

Направление движения, по которому идут отечественные историки представляется нам верным. Представляется, что корпус следует рассматривать как некую общность, субъект, имеющий собственные цели, идеалы и интересы. Следует признать, что национальные интересы были приоритетными в действиях легионеров Чехословацкого корпуса. Необходимо осознать ценность изучения истории Чехословацкого корпуса самого по себе, как феномена национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов. Следует

уделять внимание невоенным аспектам истории Чехословацкого корпуса. Пересмотр сложившихся мнений и оценок, расширение тематики исследований должны сопровождаться публикацией источников по теме.

Основное содержание диссертации изложено в следующих публикациях автора:

1. Валиахметов А.Н. В. Вавра – историк Чехословацкого корпуса в России / А.Н. Валиахметов // Общество, государство, личность: проблемы взаимодействия в условиях рыночной экономики: Материалы VI межвузовской научно-практической конференции (20-21 апреля 2005 г.). В 2 ч. – Ч. I. – Казань: Академия управления «Тисби», 2005. –С. 69-73.
2. Валиахметов А.Н. Взаимоотношения чехословацких легионеров и русских социалистов: Историография / А.Н. Валиахметов // Сборник материалов итоговых конференций молодых учёных Института истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ за 2003-2004 годы. – Казань: изд-во Института истории, 2004. – С. 30-32.
3. Валиахметов А.Н. Современная зарубежная историография о Чехословацком корпусе в России / А.Н. Валиахметов // Вестник молодых учёных. – Санкт-Петербург, 2004. – № 3. – Серия: Исторические науки. – 2004. – № 2. – 78-86.
4. Валиахметов А.Н. Социальные противоречия в российском обществе и мятеж Чехословацкого корпуса в 1918 г. / А.Н. Валиахметов // Платоновские чтения: Сборник научных трудов / Под ред. Кабытова П.С. - Вып. IV. – Самара: Изд-во «Универс-групп», 2004. – С. 131-133.
5. Валиахметов А.Н. Чехословацкие интернационалисты в казанской прессе 1918 г. / А.Н. Валиахметов // Совершенствование преподавания в высшей школе: Материалы научно-методической конференции.- Казань: изд-во Казанского университета, 2004.- С. 31-37.
6. Валиахметов А.Н. Чехословацкий корпус в отечественной историографии 1920-х гг. / А.Н. Валиахметов // Российская история XX века: проблемы науки и образования: материалы науч. конф.- М.: МПГУ, 2004. – С. 174-176.
7. Валиахметов А.Н. Чехословацкий корпус: «свои» и «чужие» (создание массового стереотипа в Российской прессе 1918 года) / А.Н. Валиахметов // Личность и массы в историческом процессе: материалы межрегион. науч. конф. 23-24 сентября 2003 г. – Уфа, 2004. – С. 127-131.